текст
Энтони Берджесс
Долгий путь к чаепитию
Вариации на тему
«Алисы в стране чудес»

Энтони Бёрджес

Долгий путь к чаепитию

OCR BiblioNet
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126237
Берджесс Э. Долгий путь к чаепитию: Текст; 2000
ISBN 5-7516-0164-5

Аннотация

Повесть всемирно известного английского мастера сатиры и «черной утопии» представляет собой изящную пародию на знаменитую «Алису в стране чудес» Л. Кэрролла. Заснув на уроке истории, английский школьник попадает в некую страну абсурда, проходит там через множество испытаний и возвращается в реальный мир обремененный новыми знаниями и томимый единственным желанием – выпить наконец чашку чая.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Энтони БЕРДЖЕСС
ДОЛГИЙ ПУТЬ К ЧАЕПИТИЮ

Глава 1
СКВОЗЬ ДЫРОЧКУ В ПАРТЕ [1]

Эдгару до смерти надоело слушать бормотание мистера Ансельма Эадмера[2], который в прекрасный весенний день все рассказывал своим нудным голосом что-то про Эдмунда Железнобокого, Эдуарда Исповедника, Эдуарда Старшего, Эдуарда Мученика и остальных тоску наводящих англосаксонских королей. У Эдгара парта вся была в дырочках от циркуля или измерителя, и он подумал, как здорово было бы стать маленьким и исчезнуть в одной из этих дырочек до конца урока. То есть исчез бы настоящий Эдгар, а вместо него сидел бы большой Эдгар-автомат и прилежно слушал все эти истории об англосаксонских королях. Вообразите же его удивление, когда он вдруг оказался на корабле, медленно вплывавшем в дырочку рядом с буквой «Д» в его собственном имени, нацарапанном на парте и закрашенном чернилами. Эдгар стоял на палубе, укутанный от пронизывающего ветра, который завывал с той стороны дыры, а рядом стоял старик с белой бородой, весь в брезенте, в зубах его мерцала трубка, а на устах цвела улыбка. Старик спросил:

– Эй, мальчик, ты в списке команды? Как зовут тебя? Соломон Эгл? [3] Джон Эрл? [4] Хартон Эрнсклиф? [5] «Аталанта», «Персей», «Купидон», «Психея», «Альцест», «Пигмалион», «Паллада»? Хорошее было судно, мы его звали «Пол-Ада». Говори, мальчик, и держи ответ.

Но казалось, ответ его особенно не интересовал, и этому Эдгар не удивлялся: корабль проплыл наконец сквозь отверстие (на самом деле – узкий проход между рифами) и вышел в открытое море, где чайки кричали:

– Покайся! Покайся! День Судный грядет!

– Им бы орлами эллинскими[6] быть, – сказал старик, все еще улыбаясь. И вдруг нахмурился и прокричал: – *Лаксдаэла!*[7]— и нечто в этом роде паре матросов, и те отвечали чем-то вроде *иск, боек и этельдэт*. – Мы высадим тебя на берег, – сказал старик Эдгару, – в царстве Эгипта[8], где прародина Пасхи. Вот и оно, слева по носу.

У Эдгара было много вопросов, но он задал один.

– На каком языке они говорят, сэр? – спросил он.

– Приплыли, – сказал старик. – Слышишь пасхальные колокола? – И в морском воздухе поплыл нежный сильный перезвон. – Но не думай, что там полно яиц и пасхальных булочек,

---

[1] Название первой главы – первая из параллелей с «Алисой в стране чудес» Л. Кэрролла, которыми пронизана книга (прим. пер., все прим – пер.).

[2] Эадмер, или Эдмер – английский монах, живший в XII в., автор самой знаменитой и полной биографии святого Ансельма, архиепископа Кентерберийского, а также Historiaenovorum («Новой истории»), истории Англии с 1066 по 1122гг.

[3] Соломон Эгл – псевдоним английского литератора и критика Дж. С. Сквайра (1882-1958).

[4] Джон Эрл – английский филолог XIX в., исследователь англосаксонской литературы.

[5] Хартон – персонаж романа Эмили Бронте (1818-1848) «Грозовой перевал»; Эрнсклиф – персонаж романа Вальтера Скотта (1771-1832) «Черный карлик».

[6] В древнегреческой мифологии орел – очень важный персонаж (он – символ Зевса, он возносит на Олимп Ганимеда и т.д.); здесь имеется в виду его функция вестника.

[7] «Лаксдаэла» – сага, повествующая о жителях долины Лакса в Ирландии.

[8] Эгипт – в древнегреческой мифологии брат Даная, давший имя Египту. Отец 50 сыновей-Эгиптиад, которые силой взяли в жены Данаид – дочерей Даная, убивших своих мужей в брачную ночь.

потому что их там нет. Там – Эдипов Сфинкс и грозные эпигоны[9]. Но тебе они не угрожают, о нет.

– А зачем мне на берег? – спросил Эдгар. – Я хочу остаться на корабле и плыть вместе с вами.

– Эй, на восток[10], – сказал старик, как понял Эдгар – капитан. – Туда мы идем. Чтоб повидаться с сэром Петронелом Флэшем[11], а также Моисеем, Дьяволом и Великим Орком[12]. Тут тебе не место, мальчик. Смотри-ка, спускают шлюпку.

Так оно и было. Они еще не достигли берега, где высился Эдипов Сфинкс, и Эдгару не очень-то пришлось по вкусу спускаться по снастям к двум гребцам, которые из-за внезапной жары скинули брезентовые куртки и остались голыми по пояс; хотя, в каком-то смысле, они были одеты в татуировки. На груди у одного синело лицо девицы, довольно милой, которую, судя по подписи, звали Родой Флеминг[13].

– Добрый день, – сказало лицо, и Эдгару стало и страшно, и смешно. – Суета сует, все суета[14].

– Не слушай ее, – сказал другой моряк, у которого живот и грудь были украшены очень подробной картой Индостана: видны были даже освещенные улицы, а по дорогам ехали тележки, запряженные волами. – Это она мне. У нас с ней, как говорится, старинная распря, а зовут меня Боб Эклс[15]. Налегай!

И оба мерно заработали веслами. Тот, что до сих пор молчал, заговорил, время от времени переводя дух:

– Берегись, сынок, матери Зверя Рыкающего[16]. Если увидишь даму, которая от пояса и ниже как змея – знай, это она.

– Ах нет! – вскричал Эдгар, испугавшись. – Отвезите меня назад, я хочу назад, к мистеру Эадмеру и англосаксонским королям!

Матросы рассмеялись, и Рода Флеминг тоже, во все тридцать два синих зуба.

– Что ты, – сказал Боб Эклс, – Господь с тобой, сынок, ее бояться нечего. Она поистрепалась, наплодив стольких чудовищ – и Химеру, и Орфа, и даже самого Египетского Сфинкса. А также Церебра и Гидранта[17].

– С двумя последними он немножко напутал, – сказал другой. – Ты не бойся. Спой нам песню, малец, чтоб мы дружно гребли.

И Эдгар запел песню, которой не знал, но знал, что будет знать, когда начнет. В ней пелось:

Корабль о рифы опять разбит,

---

[9] Эпигоны – в древнегреческой мифологии сыновья семерых вождей, выступивших в поход против Фив и погибших под стенами этого города. Эпигоны мстят за смерть отцов, взяв и разорив Фивы.

[10] Намек на роман английского писателя Чарльза Кингсли (1819-1875) «Вперед на запад».

[11] Петронел Флэш – герой английского фольклора, хвастливый вояка.

[12] Великий Орк – персонаж аллегорической поэмы английского поэта Эдмунда Спенсера (1552 – 1599) «Королева фей».

[13] «Рода Флеминг» – роман английского писателя Джорджа Мередита (1828-1909).

[14] Еккл. 1:2.

[15] Возможно, имеется в виду Джон Керью Эклс (р. 1903), австралийский физиолог, лауреат Нобелевской премии.

[16] Зверь Рыкающий (Злющий Зверь) – персонаж поэмы Эдмунда Спенсера «Королева фей».

[17] Чудовища в древнегреческой мифологии, порожденные Ехидной (Эхидной), полудевой-полузмеей, внучкой земли Геи и моря Понта. Ехидна прекрасна лицом, но ужасна в своей змеиной сущности. Перечисленные чудовища были рождены ею от Тифона и Гериона. От своего сына Орфа (двуглавого пса) Ехидна родила немейского льва. Под Церебром и Гидрантом подразумеваются трехглавый пес Цербер, охранявший вход в подземное царство Аида, и девятиглавая лернейская гидра. Химера – чудовище с тройным туловищем и тремя головами – льва, козы и змея. Сфинкс – чудовище с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы. Дети Ехидны, в которых воплотилась ее сила, были уничтожены великими героями Гераклом, Беллерофонтом и Эдипом.

И в трюме воды по грудь,
И боцман разорваться велит,
Качаешь, латаешь, и всё болит,
И ждешь, когда петух прокричит,
Придется ль на утро взглянуть?

К его (но, быть может, не такому уж большому) удивлению, матросы затянули припев:

Хей-хо, наш боцман в ящик сыграл,
Не убрал с утра свою койку.

Эдгар обнаружил, что знает и второй куплет:

Шторм рвет и ревет, нагоняет жуть,
И ром из фляги пролит.
Воняет сыр – ни чихнуть, ни вздохнуть,
И от солонины нельзя икнуть,
И глаз от злобных блох не сомкнуть,
И винт опять барахлит.
И гребцы подхватили припев:
Хей-хо, помощник погиб на посту
И вкрутую с яйцами сварен.

Эдгар с удивлением (хотя он уже не мог ничему удивляться) увидел, что его везли к чистенькой деревянной пристани, на которой подпрыгивали два человечка в синей форме как бы в ярости от вида подплывающей лодки.

– Что они кричат? – спросил Эдгар.

Оба гребца состроили мины, говорившие: да они всегда так. Тот, что был не Боб Эклс, сказал:

– Сейчас их обеденный час, а они, понимаешь, не любят, когда им мешают в обед.

– *За обедом,* — поправил другой, – или, может быть, *во время обеда;* так было бы уместнее с точки зрения экклесиологической учитываемости.

– А по-моему, для экклесиологического сонета, – сказал другой, и Рода Флеминг начала декламировать *«Я брел заброшенной тропой…».*

— Мой крест, – сказал ее владелец с печалью, опустив голову, чем прибавил себе три подбородка. – Это она Вордсворта[18] вспомнила, – объяснил он Эдгару. – Она видела его однажды, когда я купался в озере Виндермир, если ты представляешь, где это. Глупый такой старичок, в цилиндре.

– А почему, – спросил Эдгар, когда шлюпка коснулась носом ступенек пристани, – они не пойдут обедать, вместо того чтобы прыгать как ненормальные?

Гребцы пожали плечами.

– Знаешь, – сказал не Боб Эклс, – почему я не говорю тебе, как меня зовут? Меня зовут Николас, если ты испытываешь хотя бы слабое подобие какого бы то ни было интереса. Есть такие, что меня дразнят Ни-кола-с-ни-двора-с, но я на это чихал сквозь шнобель.

– Сквозь что? – спросил Эдгар.

[18] Уильям Вордсворт (1770-1850) – английский поэт-романтик, представитель «озерной школы». Его сонет «Я брел заброшенной тропой…» – одно из самых знаменитых произведений английской поэзии.

– Сквозь шнобель, – ответил Боб Эклс, – или гунделку, или сопелку, или храпелку. Именно так.

Тут человечки в синем стали прыгать по самому краю пристани и вопить:

– Сгорели блины, и это всё вы!

На что Николас завопил:

– Всё вы врете про блины, сегодня ведь среда.

Как ни странно (а может, и не странно), это их порядочно успокоило, и один сказал Эдгару:

– Что ж, забирайся к нам.

И они очень любезно помогли Эдгару подняться по ступенькам, причем один приговаривал:

– Ты можешь очень даже грохнуться, тут так скользко от ила и чешуи.

– Не забудь сказать им, куда тебе надо, – напомнил Николас.

– Но я хочу туда, откуда приплыл, – ответил Эдгар, начинавший волноваться. – Я хочу к концу урока быть в школе, а оттуда – домой, пить чай.

– Чай, – сказал один из человечков в синем и покачал головой. – Тебе придется зайти далеко в глубь страны. До самой Экспозиции, если правду говорить, и путь не короток. Но сейчас мы пойдем в контору.

И Эдгар увидал шагах в ста от пристани маленький домик, откуда слышались чьи-то вопли. Матросы погребли к кораблю, который сделал уже немало морских миль без них, и опять затянули:

Хей-хо, и шкипер дождался костра,
И с утра пружинами связан.

– Ну, – сказал человечек в синем, – что ж, поглядим на тебя.

Эдгар поглядел на *них*. Их тонкие волосы трепетали на ветру, носы горели. Оба были не выше трех футов, но такие пузатые, что куртки им приходилось завязывать на веревочку, иначе не сходилось.

– Ну-с, – проговорил один, – ты являешь собой прекрасный образец раскаянья, и я буду благодарен, если ты усвоишь, что меня зовут мистер Эк Кер Ман[19], а его – мистер Эк Хар Т[20].

– Вы… сиамцы? – вежливо спросил Эдгар.

– Нет, – отрезал мистер Эк Хар Т, – мы – близнецы.

– Не понимаю, – сказал Эдгар. – Ведь вас зовут по-разному. Будь вы братьями, вас бы звали одинаково.

Оба захохотали.

– Ох, – проговорил мистер Эк Кер Ман, – немного ты, видать, смыслишь, это уж как пить дать! Братьев всегда зовут по-разному, иначе их не отличишь друг от друга. Представь, что Каина и Авеля звали бы одинаково! Все бы запутались.

И оба захихикали. Наконец мистер Эк Хар Т произнес:

– Не такой доли желал нам наш отец! Я однажды совершил благое дело. Я ходил и предостерегал людей о чудовищах, но ни один не внял.

– А, – сказал Эдгар, – вроде Зверя Рыкающего и его матери?

– Да, порой, – ответил мистер Эк Хар Т с сомнением. – Но больше про Венеру, известную как богиня любви, не знаю уж, что это могло бы значить теперь или прежде.

---

[19] Иоганн Петер Эккерман (1792 – 1854) – личный секретарь И. В. Гете, автор мемуаров «Разговоры с Гете в последние годы его жизни».

[20] Иоганн Экхарт (Майстер Экхарт) (ок. 1260 – 1337) – средневековый немецкий философ-мистик.

– Ложь и обман, – сказал мистер Эк Кер Ман. – Я-то был превосходным собеседником, но это ушло – увы, увы, ушло.

Оба так опечалились, не обращая даже внимания на чайку, которая села на голову мистеру Эк Хар Ту и стала кричать «эклектика – электрика – эксцентрика», что Эдгар решил напомнить им о делах в конторе, откуда всё еще доносились вопли. Он сказал:

– Дело в том, что у меня нет денег.

– Деньги, деньги, деньги, – проворчал мистер Эк Хар Т. – Все только о них и думают.

Он посмотрел на свои наручные часы, из которых доносилось очень негромкое пение, и сказал:

– Ну-с, что до денег, час пробил. Не будем тянуть. В контору.

И они поспешили – Эдгар за ними, чайка сидела уже на голове у мистера Эк Кер Мана и кричала «Лиддел и Скотт, Лиддел и Скотт[21]». Но когда они дошли до конторы, она с кррр-риком улетела навстречу морскому ветру.

В конторе было тесно и неопрятно. Эдгар понял, что здесь никого не били: горланил попугай с серебряным колечком на левой лапке, прикрепленным к тонкой цепочке, прикрепленной к высокой стойке для шляп. Стойка была забита головными уборами, от шапокляка до кепки а-ля Шерлок Холмс, и все были очевидно велики и мистеру Эк Хар Ту, и мистеру Эк Кер Ману и НЕВЕРОЯТНО велики человечку, который сидел за конторкой и с очень мрачным видом сосал какую-то тягучую и липкую с виду ириску, завернутую в бумажку. Нос его, напоминавший пустой рожок от мороженого с прилепленным к кончику карандашом, весь был в ириске, и человечек непрерывно вытирался очень грязным платком.

– Большое испытание, конечно, – сказал он. – Просто так не съешь.

Попугай, севший на котелок, орал изо всех сил, но никто не обращал внимания. Мистер Эк Кер Ман, а может, это был и, мистер Эк Хар Т, спросил с раздражением:

– Почему ты не сварил какао, презрев нашу просьбу и свой долг?

– Да не нужно его ни варить, ни, Боже упаси, пить, – сказал человечек, – все время ложка лезет в глаз.

Тут он принял очень официальный вид, строго посмотрел на Эдгара и положил ириску в ящик. Из ящика будто бы вылетело что-то невидимое, потому что Эдгар услышал, как пронзительный голосок проговорил:

– Глас-глаз.

– Паспорт, – сказал человечек, – и поживее.

– Ее-ее-ее, – сказал голосок. Сейчас он был рядом с попугаем, и попугай слушал, наклонив голову набок.

– Ты выпустил эхо, – сказал мистер Эк Кер Ман (или мистер Эк Хар Т) строго. – Тебя неоднократно предупреждали.

– Али-али-али.

– От него тут никакого проку, – мрачно сказал человечек.

Из-под его курточки выглядывал свитер, украшенный полосками всех цветов радуги. Эдгару он весьма понравился, но был мал.

– А теперь – скачки, – сказал мистер Эк Хар Т (или мистер Эк Кер Ман).

– Качки-качки-качки.

– Делай ставку, – сказал мистер Эк (так проще, подумал Эдгар). – Положи деньги вон в тот почтовый ящик.

И он указал носом на прекрасно отполированный медный ящик, висевший на стене.

---

[21] Алиса Лиддел – прототип кэрролловской Алисы. Кроме того, Лиддел и Скотт – авторы известного этимологического словаря.

– Но у меня ведь нет денег, – сказал Эдгар, – я вам уже говорил.

– Одолжу ему пару гамаданов, – сказал другой мистер Эк, вынимая из кармана куртки несколько блестящих монеток. – В конце концов, как говорили во времена моей молодости, результат предрешен.

– Шен-шен.

Деньги положили в почтовый ящик, и другой мистер Эк обратился к попугаю:

– Первый – Эклипс, и никто другой.

Попугай слушал очень внимательно, склонив голову набок; он, казалось Эдгару, понимал, о чем ему говорили, и что-то тихо ворковал.

– Что такое Эклипс? – поинтересовался Эдгар.

Человечек ответил:

– Самый знаменитый рысак в мире. Сегодня он побежит в Винчестерском королевском кубке. Он родился в затмение – эклипс, как говорим мы, элита, – и отсюда, откровенно говоря, его имя.

– Мя-мя-мя.

– Хватит, – сказал один из мистеров Эков. – Заткните это эхо.

– Хо-хо-хо.

Затем воцарилась тишина, и мистеры Эки победно переглянулись, потому что эхо, несомненно, заткнулось. Попугай всё еще во что-то вслушивался. Примерно через минуту он захлопал крыльями и стал пританцовывать. Человечки задумчиво переглянулись.

– Взял, – сказал один из мистеров Эков, и эхо согласилось с ним три раза.

– Откуда вы знаете? – спросил Эдгар.

– Он всегда берет приз, – ответил человечек. – Ни разу не проигрывал. А вот и деньги!

Из почтового ящика выпали на пол две монеты, а за ними еще одна – самая маленькая, какую Эдгар когда-либо видел, – и зазвенели по полу.

– Много выиграть, конечно, нельзя, – сказал мистер Эк. – Он всегда побеждает, побеждал и будет побеждать. Во всяком случае, два гамадана к нам вернулись, а ватек[22] можешь оставить себе; не так много, но лучше, чем ничего.

– Чего-чего-чего.

– Спасибо, – сказал Эдгар, засовывая в карман крошечную монетку, которую они называли ватеком.

Человечек за конторкой обратился к Эдгару:

– Что декларировать будем?

– Как это? – спросил Эдгар.

– Отвечай на вопрос. Ты должен сказать, какие вещи вносишь в страну, а за некоторые придется заплатить.

– Но вы же видите, – сказал Эдгар, – что у меня ничего нет.

И он показал им пустые руки.

– Да ты лгун, – заявил один из мистеров Эков. – Ведь у тебя в кармане есть ватек.

– Хорошо, я его декларирую.

– Этого недостаточно, – сказал другой мистер Эк. Он направился в угол комнаты, сердито отмахиваясь от назойливого эха. В углу было полно всякого барахла: буколики, эклоги, баркли, сильвиусы[23], экономики, бэджхоты[24], дарвины, экторы, кеи и сенешали[25] – все очень пыльные.

---

[22] «Ватек» – философская сказка английского писателя Вильяма Бекфорда (1760-1844). Гамадан – иранская провинция, где происходит действие этой сказки.

[23] Возможно, имеется в виду английский писатель Александр Баркли (1475? – 1552), автор сборника «Эклоги», написанного по мотивам одноименного произведения итальянского автора Сильвиуса Пикколомини (1405-1464).

[24] Вальтер Бэджхот (1826-1877) – английский публицист, экономист и автор афоризмов. Один из первых редакторов

Мистер Эк вышел с большим саквояжем, который стал набивать шляпами с вешалки. Попугай прыгал и верещал, и эхо тоже верещало, так что попугай даже наклонил голову и стал прислушиваться, но слушать на этот раз было нечего. Мистер Эк дал саквояж Эдгару и сказал:

– Ну.

– Ну-ну-ну.

– Что декларировать будем? – проговорил человечек за конторкой.

– Вот, – сказал Эдгар.

– Конфискуется. Как ты смеешь ввозить в страну все эти шляпы?

И он стал выкидывать шляпы обратно на вешалку, время от времени промахиваясь, чем приводил в восторг попугая. Наконец человечек сумрачно сказал:

– Как я понимаю, у тебя и паспорта нет.

Он начал нервно рыться в ящике, откуда недавно вылетело эхо.

– Не то, не то, – повторял он. – Ничего подходящего. Это паспорт для молодой особы из манчестерских трущоб, Эдды Младшей, этот – для старого Снорри Стурлусона[26] из Тринитарии[27], для тебя ничего нет.

– Нет-нет-нет.

Эхо село прямо на конторку. Человечек выбросил вперед руку, сжал ее в кулак и воскликнул:

– Готово. Попалась, голубка моя.

И закрыл неуловимое созданье в ящике.

– Что ж, – проворчал он, – придется впустить тебя без паспорта.

– Спасибо, – сказал Эдгар. – А как мне попасть домой к чаю?

Мистеры Эк Кер Ман и Эк Хар Т ответили хором:

– Про чай ничего не знаем. Мы пьем какао.

Попугай всё орал на Эдгара.

– Кого ты ждешь, мальчик? – спросил человечек за конторкой. – Свой долг перед тобой мы выполнили, этого никто не посмеет отрицать, так что иди своей дорогой.

– Спой ему свою попутную песню, – сказал один из мистеров Эков.

– Ладно, – проворчал человечек и угрюмо запел под вопли попугая:

Сэр Артур Стэнли Эддингтон
(1882-1944), получил образование в Оуэне Колледж, Манчестер,
И в Тринити Колледж, Кембридж,
И был профессором астрономии в Кембридже,
И был выдающимся астрономом,
Известным своими исследованиями
Галактики и внутреннего
Строения звёзд,
А также своим вкладом
В теорию относительности
И популяризацию Современной физической теории.

журнала «Экономист».

[25] Сэр Эктор – приемный отец легендарного короля Артура. Сэр Кей – сын сэра Эктора, сенешаль короля Артура.

[26] «Младшая Эдда» – трактат о древнескандинавской языческой мифологии и поэзии, написанный Снорри Стурлусоном (1178-1241), исландским поэтом-скальдом.

[27] Тринитарий – приверженец христианского догмата о Троице.

Поскольку Эдгару показалось, что песня на этом кончается, он сказал:

– Большое спасибо. Мне было очень приятно.

– Приятно? – спросил мистер Эк. – Всего лишь приятно? Да Гала Катики была одной из первых красавиц в мире.

Тут все, включая попугая, повернулись к Эдгару спиной, и он вышел из конторы на пронизывающий морской ветер.

– Строение звёёёёёёзд, – кричали чайки.

Глава 2
ЭДЕМ

Эдгар пошел к суше. Пристань вела к длинной улице, тянувшейся налево и направо. Вдоль нее теснились хорошенькие домики, выкрашенные в очень яркие цвета – красный, оранжевый, желтый и даже фиолетовый. У дверей во двориках грелись на солнышке хозяева. Они приветливо махали Эдгару, который стоял спиной к морю и раздумывал, куда ему свернуть. В основном они были очень маленькие, а возле одного человечка стояли два пса во много раз крупнее, чем он сам. Одного из них он пошлепывал слабенькой ручкой, приговаривая «Ах ты, негодник», но было ясно, что огромный зверь даже не замечал ударов. Подняв голову, Эдгар увидел указатель, гласивший: «В Эдем». Указателей с другими надписями не было, и Эдгар решил пойти в Эдем. Как только он повернул с этой целью направо, его окликнула старушка, которая сидела в своем садике на стуле и обмахивалась газетой:

– В Эдем собираешься, молодой человек?

– Не скажете ли, как туда попасть? – спросил Эдгар.

– Да кто ж его знает, – ответила она. – Тут дело, видишь ли, в энтропии Вселенной. Но если поторопишься, будешь там до темноты.

Эдгар поблагодарил ее и тронулся в путь. Поскольку вид моря справа был довольно однообразным, он пересек дорогу и постепенно дошел до лавочек, где продавались консервированные гавестоны, курчавые игрушечные ягнята, клубничные изабеллы[28] и другие интересные вещи. Потом он подошел к булочной, где толстая старуха плакала от боли, потому что, как она кричала на весь белый свет (хотя ее слушал не весь белый свет, а только крайне тощий и непрерывно жующий мужчина с козлиной бородкой), она обожгла руку, когда сажала хлебы в печь. Мужчина сказал ей:

– Это невозможно, так? Нет такой вещи, как боль. Это все в воображении, так?

– Но мне так больно, мистер Квимби[29], поглядите, какая она стала красная! Ох, как больно!

Эдгар стоял и слушал, увлеченный их разговором, а они совершенно не замечали его.

– Послушайте, мэм, – сказал мистер Квимби. – В мире есть две вещи, так? Одна – материя – как этот хлеб, или эта кошка у печки, или та шляпа, которая была на мне, когда я вошел, так? Это материя. И свиньи, и пыль, и газеты, и ручки, и ножи, и прыщи, и нарывы, и волдыри, и ожоги на руке. Материя, так, *так?* А другая вещь – сознание, то есть то, что я сейчас думаю и что думаете вы, да? Так вот, материи на самом деле не существует, вы это знали? Что ж, теперь вы знаете это, мэм. Когда я вижу свинью или перочинный нож, это только мои мысли. Это то, что я думаю, так? Снаружи нет ничего похожего ни на эту кошку, ни на эту печку, у которой она сидит, все это внутри, здесь, здесь, *здесь, у* меня в сознании. Так, *так?*

— Вы хотите сказать, что и эта боль внутри, – заплакала пекарша, – что эта обожженная рука у меня в сознании?

– И она тоже, мэм, – ответил мистер Квимби. – Вы думаете, что она больная, красная и опухшая. Все, что вам теперь нужно, – это подумать, что она *не* больная, *не* красная и

---

[28] Пирс де Гавестон – фаворит короля Эдуарда II (1307-1327), первого принца Уэльского, убитый восставшими баронами. Изабелла Французская – жена Эдуарда II, возглавившая восстание против него, в результате которого Эдуард был свергнут, а затем замучен насмерть.

[29] Финеас Паркхёрст Квимби (1802-1866) – американский месмерист и философ самоучка, изначально часовщик. Основные принципы его «науки счастливой жизни» таковы: 1) счастье зависит от веры; 2) жизнь отвечает нашим верованиям; 3) верования можно изменить; 4) мы существуем внутри вселенской души; 5) достижима совершенная мудрость.

не опухшая. Так? Приступайте, мэм. – Он посмотрел на большие часы в форме луковицы, которые вынул из жилетного кармана, и сказал: – Ну же, начинайте.

– Но это ведь чепуха, – не выдержал Эдгар. – Ведь если бы болел зуб, его пришлось бы выдернуть, правда? Это был бы больной зуб, даже если бы вы говорили, что это только в сознании. Так?

К его изумлению, пекарша, у которой рука действительно была страшно красная и болела, выкрикнула:

– Дух – бессмертная истина, а материя – смертельное заблуждение. Дух непреходящ, а материя тленна.

– Совершенно верно, мэм, – сказал мистер Квимби. – Вы, несомненно, быстро учитесь.

– Учусь? – вскричала она в негодовании. – Что значит – учусь? Я буду учить, а учиться – вы. И *вы* будете учиться быстро. Приступим. – Она схватила со стола длинный хлебный нож и сделала выпад. – Так?

– О! – кричал мистер Квимби, бегая вокруг стола от грозящего ему ножа. – Вы попали мне в локоть, мэм, о-о-о, вы разодрали на спине мою куртку, о, мэм, это была центральная артерия!

– Все в нашем сознании! – кричала она в ответ.

Эдгар поспешил скрыться, потому что ему не нравился ни большой хлебный нож, ни блеск в глазах пекарши. Под крики мистера Квимби и вопли «Все в сознании, так, так?» он шагал все дальше и дальше и вскоре почувствовал сильную жажду. Солнце припекало, а он не пил с обеда. К нему подлетела чайка и, повиснув перед глазами, проскрипела:

– Все в нашем сознании, а, сынок? Ха-ха-ха-ха. – И улетела.

Вскоре слева показалась улочка, усаженная тенистыми деревьями; Эдгар пошел под ними, радуясь прохладе, и увидел нечто вроде арки, свитой, судя по всему, из бумажных листьев и цветов, и надпись ЭДЕМ из электрических лампочек, которые, как ни странно – ведь был яркий летний полдень, – слабо вспыхивали и гасли, как на рекламе шин или жвачки. Некоторые лампочки, однако, не работали. Он вошел в арку и увидел человечка, бодро вылезавшего из большой грязной лужи. Дорога впереди была усеяна такими лужами, словно недавно прошел сильный ливень, хотя на эспланаде, которую Эдгар только что покинул, никаких признаков дождя не наблюдалось. Человечек, с ног до головы в грязи, заговорил радостно и дружелюбно, вытряхивая грязь из ушей и вываливая из потрепанного цилиндра, который он затем небрежно водрузил обратно на голову, не только грязь, но и радостно квакавших лягушек.

– Все в нашем сознании, – сказал человечек. – Радость во мне значит радость вовне, и не спрашивай меня, – он весело рассмеялся, – что такое вня.

– Эдем, – сказал Эдгар. – Эдем ведь значит рай?

– Все в нашем сознании, – твердил человечек. По дороге к Эдгару он вдруг поскользнулся и опустился в следующую грязевую ванну, откуда выбрался в таком же, если не более радостном расположении духа. – Тебе понравится, если будешь сохранять бодрость. И вход бесплатный. Тебе не придется платить мне ни пенни, ни хиддекеля (или тигра, если ты предпочитаешь называть его так), ни евфрата, ни фисона, ни гихона[30]. Просто залезаешь – и все, запомни, все, хи-хи-хи, внутри нас.

Эдгар поблагодарил его и пошел дальше, слыша, как человечек падает в очередную яму и радостно хихикает, но уже не видя этого, поскольку оставил его позади.

Эдгар никогда в жизни не видел такого безотрадного места. Солнце спряталось; небо затянуло тучами, и в воздухе висел отвратительный запах клееварной фабрики. Он увидел дома, черные от копоти, а из труб больших черных зданий валил черный дым, от кото-

[30] Хиддекель (отождествляется с Тигром), Евфрат, Фисон, Тихон – четыре реки, вытекавшие из Эдема (Быт. 2:10-14).

рого он закашлялся. Через улицу был протянут транспарант, гласивший: ЭДЕМ – ЗНАЧИТ НАСЛАЖДЕНИЕ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ОБ ЭТОМ! Кругом с раздраженным жужжанием носились мухи, и Эдгар сказал самому себе: «Внутри это все или нет, я буду рад, если кто-нибудь скажет мне, как попасть назад в школу, а потом – домой, к чаю». Тут появилась очень странного вида дама на белой лошади, старомодно одетая, в огромной шляпе с муслиновой вуалью (от мух, подумал Эдгар), с хлыстом в руке. Она щелкала им над маленьким индусом, на котором почти ничего не было, кроме тюрбана. Он бежал перед ней и постоянно причитал:

– Ох, перестаньте, мисс сагиб, о Господи, это так неприятно, правда, честное слово, ох, мисс сагиб, перестаньте, пожалуйста! – хотя ему вовсе не было больно: хлыст не доставал до него. Но дама продолжала выкрикивать:

– Джильди[31] , сюда-а, я спущу с тебя шкуру, клянусь святым Гарри[32], я тебя запорю до полусмерти. – И она опять поднимала свой хлыст, свистевший в воздухе.

Индус в тюрбане, заметив Эдгара, спрятался за его спиной и запричитал:

– Она становится очень злая, о Господи, да, но вы мне мать и отец, сагиб, и вы охраните меня от ее гнева, честное слово, ох.

Дама спросила:

– Кто ты, мальчик? И что ты здесь делаешь?

– Я ищу дорогу домой, к чаю.

– Чай, – задумчиво промолвила она, – чай. Никогда не пью его сама: вредно для печени, решительно предпочитаю виски пани, чота пэг[33] , понимаешь? Если тебе действительно по вкусу чай, а кое-кому он по вкусу – ты понимаешь? – тебе нужно идти на юг, да, на юг.

– Воистину так, мисс сагиб, – сказал индус из-за спины Эдгара. – На юг очень хороший чай.

– Что ж, он должен знать в этом толк, – заметила дама. – Родился здесь и пьет его сам. Но почему я выбивала из него пыль? Что-то не могу припомнить. Но должна же быть причина, ты понимаешь?

– Хорошая разминка для вас, мисс сагиб, ха-ха. И для меня, о Боже милостивый, и для меня.

– Посмотри туда, наверх, – сказала дама, показывая хлыстом. – На тот дом с двумя входами на холме. Ужас просто – подходит только для пар, у которых нет другого выхода, а? – Она расхохоталась во все горло.

Индус присоединился к ней, приговаривая:

– Ох, как забавно, мисс сагиб, вы такая забавная госпожа, о Господи. Ха-ха-ха.

– Как бы то ни было, – сказала дама, – поднимись туда, мальчик, и спроси. А теперь, – сказала она индусу, – ты, паршивокожий. Я сдеру с тебя шкуру и выдублю ее, ты понимаешь?

– Ага, вы такая забавная, мисс сагиб. – И тут же: – Ой-ой, вы это не сделать, о Господи, пожалуйста, не надо! – И он помчался вперед, хотя хлыст по-прежнему не доставал до него.

Эдгар последовал совету дамы и взобрался на небольшой холм, на вершине которого стоял дом с двумя входами, так что возникал вопрос, в какую дверь стучать. Эдгар выбрал первую, к которой его привела извилистая тропинка, бежавшая вверх по холму. Ее тут же открыла, к его ужасу, огромная змея (дверную ручку она, видимо, повернула хвостом).

– Шшшто нужжжно? – прошипела она.

На ней был старомодный чепец. Эдгар с дрожью подумал, не мать ли это Зверя Рыкающего или, может быть, сам Зверь Рыкающий.

---

[31] Быстро (иск.хинди).

[32] Гарри – намек на санскритское слово Hari, что означает «святой».

[33] Виски с содовой, маленький стакан (иск. хинди).

– Шшшто тебе? – прошипела змея опять. – Мальчик, ты теряешшшшшь время. Ты разззззве впервые видишшшшь зззмею?

– Извините, сударыня, – пролепетал Эдгар, – мне сказали, что здесь мне скажут, как вернуться в школу, а оттуда домой, к чаю, мне так сказали.

– Сказали, скажут, – сварливо повторила змея. – Мальчик, я ничего не знаю о школах. Я никогда не ходила в школу. Мне это было не нужно. Я и так знала всё, когда родилась. А сейчас знаю больше, чем всё, ведь я старше, чем была тогда.

– Разве можно знать больше, чем всё, сударыня? – спросил Эдгар храбро, но вежливо.

– Ведь можно знать меньше, чем ничего, – сказала, нахмурившись, змея. – А ты, насколько я себе представляю, знаешь меньше, чем ничего о… дай-ка подумать… вот, о господине, который живет по соседству.

– Вы правы, сударыня, – ответил Эдгар, – если «меньше, чем ничего» значит то же самое, что «ничего».

– Нет, это вовсе не то же ссссамое, – злобно прошипела змея. – И если ты когда-нибудь ходил в школу (а почему ты сейчас не в школе – могла бы я спросить, но не стану), то должен бы знать, что минус один меньше, чем ноль, а ноль – это и есть ничего. И раз уж мы заговорили о числах, назови мне самое большое число. Это будет почти то же, что всё.

– На это уйдет слишком много времени, – сказал Эдгар. – Когда я был совсем маленький, я как-то летом взял с собой в кровать толстую тетрадь и попробовал написать самое большое число. Но ничего у меня не получилось.

– Конечно, ничего у тебя не получилось, – огрызнулась змея. – И даже измарай ты миллион биллионов триллионов квадриллионов квинтиллионов секстиллионов септиллионов октиллионов нониллионов тетрадей, ты всё равно мог бы приписать еще одну цифру. А я, – сказала змея, – я-аааа могла бы приписать еще одну. И еще одну. И еще одну. Так что, как видишь, я знаю больше, чем всё. Всего хорошшего. – И она захлопнула дверь головой.

Эта дискуссия не убедила Эдгара в правоте змеи, но ему не особенно хотелось опять стучать в дверь, чтобы она вновь открылась (дискуссия то есть, но и дверь, конечно, тоже), поскольку ему не нравилось раздраженное шипение змеи, и он чувствовал себя несколько неуютно при мысли о большом пресмыкающемся, которое носит дамский чепец и обитает в доме. И чем оно, вернее, она питается? Эдгар содрогнулся. Он подошел к соседней двери и постучал, и на этот раз открыл приятный пожилой господин в костюме шекспировских времен – камзоле, чулках и плоеном воротнике, – спросивший с улыбкой:

– Да?

– Мне посоветовали обратиться к вам, сэр, – сказал мальчик, – с вопросом, как добраться домой.

– Прошу, прошу! – вскричал старик и повел Эдгара по пыльному коридору, забитому картами и глобусами. – Я знаю дорогу куда угодно. – Эдгар вошел вслед за ним в большую комнату, такую же пыльную, как коридор, и так же, как коридор, забитую картами и глобусами. – Это мое, так сказать, предназначение в жизни, если можно так выразиться, так что не волнуйся: скоро, образно говоря, все образуется, и я определю, куда тебе идти. Наверное, сначала ты постучался в соседнюю дверь? – Он громко рассмеялся. – Все сначала идут, так сказать, туда, и их конечно же ошарашивает встреча с мисс Лилит[34], как она себя называет. А домик свой она называет Эдемской беседкой, премилое название. Я же, со своей стороны – осмелюсь облечь это в такие слова, – зовусь Ричард Эдем.

[34] Лилит – злой дух женского пола в иудейской демонологии, соблазняющий мужчин и пьющий их кровь и наводящий порчу на младенцев. Согласно апокрифическому преданию, Лилит была первой женой Адама, сделанной, как и он сам, из глины.

– Значит, тут все эдемское и всех зовут Эдемами? – спросил Эдгар. – А меня зовут Эдгаром.

– Эдгар, Эдгар, Эдгар, – проговорил старик. – О да, все вокруг, так сказать, несколько эдемизировано, откуда, понимаешь ли, и название, если можно так выразиться. – Тут он стал возиться со своими пыльными старинными картами, совершенно бесполезными, подумал Эдгар, в наши дни: все они зияли белыми пятнами (которые называются TERRA INCOGNITA, что означает *неизвестная земля),* и даже карта Англии была девственно белой к северу от Лондона. На карте Америки густонаселенный штат Нью-Джерси пересекала надпись «Обитель драконов».

– Я хочу вернуться в школу, а оттуда домой, к чаю, – сказал Эдгар, ища, куда бы сесть, и находя только карты и глобусы. Ему всё еще очень хотелось пить. Чая, чая, чая, думал он не переставая. Чашку душистого чая с молоком и сахаром. И немного печенья. И несколько булочек. И ломтик хлеба с маслом. И баночку вишневого варенья.

– Насколько я себе представляю, ты, так сказать, очень хочешь пить. И может быть, условно говоря, есть, – заметил мистер Эдем.

– Я все бы отдал, сэр, – ответил Эдгар, – я даже отдал бы больше, чем всё (тут он вспомнил о мисс Лилит, змее), за чашку душистого чая.

– Чая?! – чуть не взвизгнул мистер Эдем. – Невозможно! Он необычайно дорог. Не больше унции во всей стране, осмелюсь заявить, и, насколько я это себе представляю, весь его прибрала к рукам Ее Величество королева, да продлятся, так сказать, ее дни. Солит его и ест, если можно так выразиться, и никто не решается сказать ей, что это неправильно. – Он покачал головой и грустно улыбнулся, после чего повернулся к квадратному отверстию в стене размером с маленькую картинку и испустил громкий крик. – Мария! – завопил он. – Мария, Мария – выражаясь точно, коротко и ясно! – И он подмигнул Эдгару.

– Да, сэрр, ваша честь, – раздался голосок из отверстия. – Чего-чего изволите, сэрр, отвлекая меня от углубленных занятий замком Рэкрент? [35]

– Много о себе, знаешь ли, так сказать, воображает, – сказал мистер Эдем. – Была в Америке и называет себя пионеркой. Встречалась с Эдгаром Хантли[36]. – Он пристально посмотрел на Эдгара и спросил: – Ты, случайно, не он самый? Но нет, ты слишком, да будет мне позволено так выразиться, молод, да и на пион совершенно не похож. Конечно, простой здравый смысл подсказывает нам, что она не могла быть там, где, по ее речам, была – в Калифорнии, на Диком Западе и так далее, – потому что их еще просто нет на карте! Посмотри, так сказать, сам. – И действительно, кроме кусочка северо-восточного побережья, Америки на его картах почти не было. – Мария, – опять позвал мистер Эдем. – Принеси поесть и попить этому, так сказать, молодому джентльмену.

– О, сэрр, – откликнулся голос, – я как раз углубилась в любовный треугольник Фрэнка, Гарри и Люси. Но сейчас же приду и принесу то, что подобает принести такому, как он, кем бы он ни был, спаси нас, Господи, и благослови.

– Хорошо, – отозвался мистер Эдем. – Так вот, думаю, лучшей дорогой домой, которая есть, как бы поточнее выразиться, главнейший и первейший предмет твоих упований, будет дорога через Ньюфаундленд и Вест-Индию. Да-да-да. – И, совершенно поглощенный своим занятием, он стал мерить пыльным циркулем расстояния на большом глобусе. В это время из дыры в стене показалась чрезвычайно крупная мышь и проговорила:

---

[35] «Замок Рэкрент» – сатирико-политический роман ирландской писательницы Марии Эджворт (1767-1849) о крушении патриархальных форм жизни в Ирландии, критикует и использует клише готического романа.

[36] «Эдгар Хантли» – готический роман первого американского романиста Чарльза Брокдена Брауна (1771-1810), описывающий время освоения Америки европейцами.

– Ах, сэрр, какая жалость, в доме нет ничего, кроме карт и глобусов, кои удобно и приятно грызть таким, как мы, сэрр, но кои не послужат пищею, алкаемой сим юношей. – У мыши были усы, которые придавали ей очень деловой вид, и юбочка.

– Что ж, – сказал мистер Эдем, – я ничем не могу услужить тебе, так сказать, кроме как песней, но песня, возможно, исцелит жажду, образно говоря, а Мария подхватит припев.

– Но я занята нравоучительными повестями и белиндами[37], сэрр, – возразила мышь отнюдь не писклявым голосом.

– Делай, как сказано, Мария, – прикрикнул на нее мистер Эдем, – и не важничай по поводу твоих пионерских дней в местах, которых пока еще не существует. – И он пробормотал себе под нос: – Прямо, так сказать, Эдгар Хантли.

И тонко запел, хотя голос у него и без того был высокий и дрожащий:

Смело воду пей изо всех морей,
Если соль сперва удалишь,
Ибо хоть с нею и сыр вкусней,
И бобы, и горошек, и сельдерей,
Все мясное, съестное вкуснее с ней, —
Жажду ею не утолишь!

Потом наступила тишина, и мистер Эдем сказал:
– Давай, Мария, подхватывай припев.
Но мышь возразила:
– Ах, сэрр, при мыслях о сыре мое сердце буквально разрывается на куски!
– Не думай о сыре. Припев, Мария, так сказать, припев.
И они запели вместе:

Ты любишь соль? – люби, изволь,
Но жажду ей не утолишь.

Мистер Эдем опять запел соло:

И вкусил я вод всех морей, и вот,
Мой живот, опять ты болишь;
Я на север плавал, где всюду лед,
И на юг, где морская свинья живет,
И на запад, где скот и поет койот, —
Все, поверь уж, один результат дает:
Жажду ею не утолишь!

Затем прозвучал припев (а Эдгара все сильнее и сильнее мучила жажда):

Я соль пою, любовь мою,
Но жажду ей не утолишь.

По виду мистера Эдема и мыши Марии легко было догадаться, что они ожидали аплодисментов, которыми Эдгар и разразился. В ответ мистер Эдем раскланялся на очень старинный манер и промолвил:

[37] Белинда – это имя носят героини множества английских романов первой половины XIX в.

– Думаю, Эдембург – самое место для него. Что скажешь, Мария?

– О, конечно, сэрр, вы прямо говорите моими словами. Это место для него, для него, конечно, тут и толковать не о чем.

– А как туда попасть, сэр? – спросил Эдгар.

Мистера Эдема этот вопрос, по-видимому, смутил. Он ответил:

– Э-э, я там, честно говоря, не был, позволю себе объясниться таким образом, у меня ведь тут столько, как говорится, работы, да и, признаюсь тебе, я не смог его найти ни на одной карте. Но Мария вот говорит, что он, так сказать, существует.

– О, безусловно, сэрр, существует, и это отменнейшее место из всех, что когда-либо стояли на двух ногах.

– Ты же говорила, так сказать, на четырех, – нахмурился мистер Эдем.

– Что две, что четыре, всё одно, – возразила Мария.

– Нет, не одно, как я многократно, если можно так выразиться, доводил до твоего сведения, – сказал мистер Эдем, еще больше мрачнея.

– Ах, всё зависит от точки зрения, сэрр.

– Нет, не зависит, осмелюсь утверждать.

– Вы простите мне это замечание, сэрр, но все же зависит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.